

Рафаиль Хакимов: "Татары не нуждаются в резервациях"

Так сложилось в последние годы, что моментами, аккумулирующими чаяния татарского народа, стали съезды Всемирного конгресса татар. В ходе подготовки и проведения предыдущего в уме держались наш суверенитет, покусанный со всех сторон, и переписная интрига. На том съезде доминировала тема выживания. Следующий, внеочередной, должен пройти под знаком тысячелетия Казани. На сегодня информационный поток вокруг татарского вопроса вроде бы спал, перешел на будничный режим. Но в будни и делается обычно главная работа. Ближайшее время не обещает быть простым: предстоят обнародование итогов переписи по национальному составу и выборы, где голоса татар пригодятся. О татарских буднях наш разговор с государственным советником при Президенте РТ по политическим вопросам Рафаилем Хакимовым.

- Рафаиль Сибгатович, новая конструкция Государственного Совета Татарстана как-то ударит по интересам татар?

- Не думаю. Вообще, всякая демократия и конкуренция - это для нас "плюс". Как показывает история, демократия для татар выгодна. Расцвет татарской культуры приходится как раз на периоды демократии - 1905, 1917-1918 годы, перестройка. Как только начиналась эпоха авторитаризма, для нас наступали тяжелые времена.

Татары - это не слабый народ, который нуждается в каких-то резервациях и специальных средствах защиты. Он конкурентоспособен и для него достаточно равных условий конкуренции и нормальной демократии.

- Значит, татарская тема в новом парламенте не потеряется?

- Нет, абсолютно. Это зависит от нас. От того, как будем конкурировать.

- У вас есть какие-то переписные данные по национальному составу Татарстана?

- Предварительные. 52% татар, 39% русских, остальные - чуваша, украинцы, удмурты, марийцы. Как самостоятельная этническая группа заявили о себе узбеки. Кряшен, если собрать разные группы (кряшены, крещенцы, крещеные татары и др.), около 12 тысяч.

- А почему в кряшены записалось так немного?

- Большинство кряшен назвало себя татарами. Движение кряшен за отделение от татар - это что-то вроде современных "булгаристов". Было ведь такое: "мы не татары, а болгары". При этом "болгары" говорили со мной на чистейшем татарском языке. Я как-то спрашиваю одного из них: "Что вы хотите? Отдельные школы создать?" - "Нет". - "Отдельный язык?" - "Нет". - "Отдельную культуру?" - "Нет". - "А что тогда?" - "Мы хотим называться болгарами". - "Ну и называйтесь". Мне как политику все равно, кто как именуется. Вы можете себя марсианином назвать - меня интересует, требуете ли вы марсианских школ. Здесь, в Татарстане, живут оседлые итальянцы. Но они не обозначают своего присутствия, не требуют обучения своих детей на итальянском языке. Они говорят: мы смотрим через спутник итальянское телевидение и нам этого хватает. Значит, это

не политическая проблема. Проблема становится политической, когда за счет бюджета начинают требовать развития национальной культуры. Если такие требования есть, мы должны изучить, насколько они вписываются в законодательство, например, в европейскую конвенцию о нацменьшинствах. А если кряшены заявляют: нас устраивают татарские школы, церкви с татароязычной службой, Евангелие на татарском языке, и при этом по телевидению показывают их концерты, у них есть свои культурные общества, они шьют свои костюмы, пляшут и поют, то какие здесь могут быть проблемы? Никаких.

Перепись показывает, что политическое движение кряшен останется на уровне тех же "булгаристов". Кряшены заявляют: мы - отдельный народ. Пожалуйста. "Булгаристы" ходили и показывали паспорта: видите, у меня написано "булгарин". Нет проблем. Я поздравил одного, при этом сказал: в новом паспорте не будет графы "национальность". Он так огорчился: зачем же мы столько лет судились?! Таким образом "булгары" выпали из политической борьбы, которую кто-то придумал и финансировал. Люди потеряли годы на непонятную деятельность.

То же самое произойдет с надуманным "кряшенским вопросом". Это чистая политизация. Здесь преследуются цели дестабилизации ситуации в РТ по боснийскому сценарию, где произошел раскол по конфессиональному признаку: хорваты-католики, сербы-православные, боснийцы-мусульмане, которые говорят на одном языке и имеют фактически одну культуру. Сегодня они искусственно изобретают разные языки. Скажем, мусульмане переименовали свою газету "Народный глас" в "Халык авазы". Снег там теперь называют - одни "снэг", другие "снег", третьи "сниег". Считают, что это разные слова и требуют переводчика. Когда политизация некоторых вещей доводится до абсурда, люди начинают стрелять друг в друга. Это дело опасное, и мы, конечно, не допустим в республике "боснизации".

- По сравнению с тем, что было, разрыв получается серьезный: 52% и 39%.

- Не думаю, что надо опираться на эти проценты. В политике цифры не всегда играют главную роль. Я сторонник того, чтобы демократию понимали не как торжество механического большинства, а как учет интересов каждого. К идеям демократии надо добавить еще идеи либерализма. Вот, скажем, Швейцария. Там "голой", механической демократии не понимают. Для них принцип консенсуса гораздо важнее, чем принцип большинства. Ретороманцев всего 52 тысячи населения, но их язык государственный. В сравнении с этим уровень нашего сознания диковатый: "Вы че там, татары? Какой Татарстан? Вас из Москвы не видно. Да мы вас задавим, шапками закидаем. Че вы хотите? Вас сколько? Вот проголосуем и все. И нет латинской графики". И что, исчез народ? Госдума сегодня может принять решение: в мире не существует татар. Могут и в Конституцию это внести механическим большинством. И что, я исчезну, что ли? Татары не исчезли ни в XVII, ни в XVIII, ни в каком другом веке. Прошло уже 450 лет после завоевания Казани, а я живу и говорю на татарском языке и Татарстан существует. И сталинский режим не справился.

- Обнародование итогов переписи по национальному составу повлияет на выборы президента Башкортостана 7 декабря?

- Никак не повлияет. Все зависит от политических процессов. Там не просто татар больше, чем

башкир - там башкиры-то говорят по-татарски. Между башкирским и татарским языками тонкая трудноразличимая грань. Между мишарским говором татарского языка и башкирским языком разницы больше; башкиры ближе по произношению, чем мишары. Башкирский является просто говором, но не отдельным языком.

- Вы были среди тех, кто поддержал кандидатуру Рината Закирова на пост председателя исполкома конгресса татар. Как работал конгресс в этот год с лишним?

- Я очень доволен его работой. Мне и раньше приходилось говорить, что на этом посту нужен прагматик, занимающийся конкретными делами. Идеологии, теории мы написали уже достаточно. У нас вообще хватает теоретиков и не достаёт практиков. Ринат Зиннурович как раз из практиков. Один маленький пример: в этом году сабантуй был проведен по всей России. Это нашло отклик у руководителей регионов, у всех татар.

Конгресс работает очень напряженно. Я с первого съезда являюсь членом исполкома конгресса, но такую свою востребованность почувствовал впервые. Буквально каждую неделю от меня что-то хотят, постоянно требуют каких-то советов. Советы ведь тоже нужны (смеется).

- Вы согласны с тем, что некоторые публикации в газете "Татарский мир" носят антитатарстанский характер?

- Я не против этой газеты, но у нас с Вадимом Чурбановым свои отношения. Довольно сложные. Я часто сталкиваюсь, особенно в Москве, с тем, что о татарских делах любят рассуждать, ничего в них не понимая. Думаю, что для того, чтобы иметь о них представление, нужно как минимум владеть языком и культурой.

Когда возникла кряшенская проблема, Институт этнологии и антропологии устроил слушания на эту тему. Кого только не было среди приглашенных - депутаты Госдумы, представители движений и партий и так далее. И люди, которые кроме русского и иных языков вообще не знают, начали рассуждать о том, что у кряшен есть свой язык. Я сказал: "Это неэтично. Давайте перейдем на татарский язык и проблемы кряшен будем обсуждать на нем. Потому что кряшены говорят на чистом татарском языке". С таким же успехом эти люди могли рассуждать о проблемах индейцев или кхмеров. Мне от этого несколько неловко. Я могу рассуждать о русской культуре, потому что знаком с ней (зачастую оказывается, что лучше некоторых русских), владею языком. Но, тем не менее, по моральным соображениям не считаю возможным указывать, что, например, русский язык должен перейти на латинскую графику. Я не могу это публично высказать, хотя внутренне убежден, что так в итоге и будет. А Чурбанов, не зная ни татарского языка, ни культуры, ни истории, может. Я могу спорить с Туфаном Миннуллиным, Дамиром Исхаковым, с которыми не согласен по многим вопросам, или еще с кем-то. Но с теми, кто не понимает, о чем речь, я спорить не могу. Это разные системы измерений.

- То есть лучшая реакция - не замечать?

- Татарская культура - это жизнь, моя судьба, судьба моих родителей, моей деревни, народа,

республики. Я на этот алтарь положил слишком много. Я в жизни от многого отказался. Потому что считаю, что эти ценности гораздо выше.

- *Может, имеет смысл создать специальную структуру, например, при том же конгрессе, чтобы не оставлять без оценки такие вещи, как "Казанский котел"?*

- Это не тот предмет, на который надо тратить усилия. Я всегда был сторонником того, чтобы объединяться для решения позитивных задач, а не воевать против кого-то. Наша жизнь коротка. Я всегда живу с ощущением, что у меня остается мало времени. Не то чтобы я такой уж старый - просто жизнь получилась спрессованной. Потом, я не только советник Президента - я директор Института истории АН РТ, Института федерализма. Постоянно пишу статьи, участвую в конференциях. Жаль времени отвечать на критику или самому кого-то критиковать. От многих людей знаю, что меня критикуют по поводу моих последних публикаций. Критикуешь - Бога ради. Значит, тебя как-то взволновали поднятые вопросы. Не согласен - ну и прекрасно. Разные мнения меня очень даже устраивают. Значит, будем искать пути решения проблем более эффективно. Но заниматься мордобитием или, как некоторые, в суды подавать - ниже моего достоинства.

Чтобы ответить на критику, нужно потратить время. Зачем я буду это делать, когда из разных изданий разных стран мне идут заказы позитивного характера. Чурбанов хотел издавать какой-то журнал о татарских проблемах. Я - за, согласен участвовать, никаких обид не имею. Но если журнал касается татар, то им должны заниматься люди, которые понимают татарские дела. Я могу согласиться с кандидатурой Чурбанова или, например, Акчурина в качестве менеджера, который просто организует дело. Но не вмешивается и не указывает специалистам: вы не то слово используете.

- *От латиницы не откажемся?*

- С какой стати? Наоборот, я в этой истории вижу одну пользу. Даже две пользы. Во-первых, те, кто был против латиницы, теперь уже за.

Запрет уже консолидировал татар. Второе - он дал нам возможность еще раз подумать над тем, чтобы как-то усовершенствовать татарскую латинскую графику. Потенциал для совершенствования есть. Мы можем сделать еще один шаг вперед, с тем чтобы через столетие-два нам не пришлось менять графику снова. Мы могли бы избавиться от некоторых так называемых "хвостатых" букв и сделать графику более универсальной с точки зрения тех тенденций, которые имеют место в европейских и тюркских языках.

- *Принять чисто латинский алфавит?*

- Чисто латинский, но что я имею в виду: в официально принятом варианте есть буквы "ч", "ш", "н с хвостиком". Для Интернета они неудобны. Приходится опять, как и на татарской кириллице, вводить на клавиатуре дополнительные клавиши, создавать драйверы. Возникают сложности при передаче информации. Я не против принятой графики, но для виртуального общения, повторяю, она не совсем удобна. Американцы говорят мне, что читать на такой латинице им очень трудно. Выскакивают непонятные знаки, а специальную кодировку нужно загружать, чего многие не

делают. В результате они не могут получить информацию, которая им нужна. Такие буквы можно заменить английскими аналогами. Это никоим образом не усложняет дела. Мне даже легче набрать "ч" двумя буквами - "ch" или "ш" - "sh", чем мучиться со специальными клавишами. Поэтому на одном из заседаний, где обсуждалась программа информатизации Татарстана, я предложил разработать татарскую латинскую графику специально для Интернета.

Таким образом мы могли бы создать более универсальный алфавит, который годился бы для всех тюркских языков. Это был бы громадный шаг вперед. В мире идет - уже давно, мы просто пока плохо это осознаем - сильнейшая конкуренция разных культур и языков. Соревнуются прежде всего английский, испанский и китайский языки и расположенные в поле их влияния культуры. Все остальные уже находятся в режиме выживания. Почему баварец и саксонец пишут на литературном немецком? Почему швейцарские немцы в парламенте, на улицах и по телевидению говорящие на швейцарском диалекте, тоже пишут на литературном немецком языке - на котором им зачастую трудно говорить? Почему австрийцы со своим диалектом, когда пишут на бумаге - законы, документы, письма, романы, стихи - переходят на все тот же литературный немецкий язык? Потому что все они понимают, что иначе немецкий язык и все немецкие диалекты будут вытеснены английским. Отсюда система защиты. При этом их диалекты с нашей точки зрения фактически разные языки. Для них же, скажем, украинский или белорусский - это тот же русский язык. Или башкирский, казахский, узбекский - просто один язык с татарским. Мы, не понимая, что по отдельности языки не выдержат конкуренции, в практически идентичных балкарском, кумыкском, ногайском, башкирском ищем разницу и считаем, что это разные языки. Надо идти по пути немцев, капитально изучать их опыт и перенимать его, создавая систему защиты своей культуры. Турки этим не озабочены, потому что их много. Как и компактно живущие узбеки, которых 23 миллиона. Они на себе этого давления не ощущают - пока, сегодня. Татары угрозу ассимиляции ощущают гораздо сильнее, поскольку живут дисперсно в русской, польской, узбекской среде.

Таковую же ошибку делают русские. Их тоже много, и они находятся в некотором самомнении, будто великая культура Толстого и Достоевского не может исчезнуть. Но древнегреческая, как и древнеримская, исчезли. Латынь стала мертвым языком. Нельзя полагать, что только потому, что у народа был Толстой, его язык будет вечным. Не будет он вечным! На месте русских я бы сейчас думал о том, на какой графике писать и как, создавая общее культурное пространство, объединяться с украинцами, белорусами и другими близкими народами с тем, чтобы другие культуры не вытеснили их с мирового информационного пространства.

- Серия ваших публикаций под общим названием "Кто ты, татарин?" вызвала резонансную и неоднозначную реакцию в печати и Интернете в прошлом году. Какую пищу для размышлений дали отклики на эту работу?

- У меня не было задачи собрать своих сторонников. Я не лидер партии и не проповедник. Честно говоря, меня не очень волновало, согласны со мной или нет. В печати было больше критики, нежели согласия - меня это не огорчает. Моя задача была в том, чтобы люди начали размышлять: куда мы, собственно, идем и чего мы хотим. Наша жизнь стала очень эгоистичной. Люди становятся просто "шабашниками". Все зарабатывают деньги, не слишком задумываясь, к чему все это. А смысл жизни в ценностях, которые сложились за столетия, тысячелетия.

- У Вас за эти полтора года не появилось желания что-то добавить к себе самому?

- Появилось, и я это уже опубликовал.

- Имеется в виду "Где наша Мекка?"

- Да. Это продолжение одного из направлений работы "Кто ты, татарин?" "Где наша Мекка?" о том, как сегодня должен пониматься джадидизм. На эту работу тоже масса откликов. И тоже достаточно критики. Ко мне приезжали люди из разных регионов, которые говорили: "Я не согласен, давай проведем конференцию". Так что в следующем году будет целая серия конференций с москвичами, американцами, французами.

- Вы писали, что будущее татарской нации - за новыми средствами коммуникации - спутниковым ТВ, Интернетом. Как Вы оцениваете работу телеканала "Новый век" и электронной газеты Intertat.ru с точки зрения их полезности для татар?

- То что "Новый век" существует, это само по себе огромное достижение. Телеканал начали смотреть в разных регионах. Конечно, я могу подойти к продукции канала критически... Но, как говорил Гегель, критиковать - самое простое. Другое дело - увидеть, что надо делать. Руководство "Нового века" и само не возражает против увеличения количества татарских передач. Вопрос упирается в деньги и конкретных людей. Сейчас задача заключается в том, чтобы разработать программы, которые были бы востребованы татарами. Принципиально важным, и не только для дирекции телеканала, но для целого ряда структур, является открытие корреспондентских пунктов. Мы можем сделать это прямо сейчас на Урале, в Москве, Петербурге, где имеются представительства Татарстана. Если это канал всех татар, он должен освещать жизнь татар, а не только Казани или даже Татарстана, с позиции: хотите смотрите, хотите нет. Необходимо, чтобы все татары почувствовали, что жизнь нашего народа - это нечто общее. Мы ведь сегодня даже погоду в Европе смотрим - вот так же мы должны каждый день видеть в новостях, что происходит у татар за пределами республики. Одновременно русским и другим народам РФ интересно то, что происходит

в

Татарстане.

Интернет - одно из самых важных направлений. В одной из московских газет выходило мое интервью под заголовком "Если народ выпадает из Интернета, он выпадает из истории". Я в этом совершенно убежден. Интернет-системы сегодня выполняют ту же функцию, что в свое время выполнила печатная книга, которая породила Реформацию и, как результат, современную эпоху.

Поэтому появление любой электронной газеты я тоже считаю большим нашим достижением. К глобализации можно относиться по-разному, но для татар, в силу исторических условий, она полезна. Потому что глобализация тоже по-своему соединяет татар, разбросанных по разным странам, городам и весям, в единый народ. Вот чисто татарский Бардымский район Пермской области. Как его связать с другими татарами? Не всегда поезда и автобусы доходят до каждой деревни. А Интернет на татарском языке, удобный для пользователя, здесь как раз то, что может помочь.

- Какие тактические, стратегические задачи стоят сейчас перед татарским народом?

- Сохранить статус Республики Татарстан, расширять сферу применения татарского языка. Теснее связать общетатарские структуры, в виде национально-культурной автономии, с республиканскими. Развивать тюрко-татарское информационное пространство через Интернет на базе латинской графики.

Беседовал Рустам Шакиров.

Журнал "Татарстан", N 11, ноябрь 2003 г.